

Глава I

Как вы думаете, чем в первую очередь следует заняться человеку, получившему высокую должность? Вроде бы ответ очевиден — принимать дела. Но мне пришлось начать с визитов к родственникам. Не знаю, что рассказали женщинам нашей семьи о моих «подвигах», но судя по их реакции, какую-то дичь!

Маман, то есть императрица Александра Федоровна, плакала и с ходу обвинила в государственном преступлении. То есть в попытке вогнать ее в гроб. Старшая сестра Маша, герцогиня Лейхтенбергская, известная своей экстравагантностью, погрозила пальцем и сказала, что в моем возрасте не следует искать смерти. Цесаревна Мария Александровна тоже пыталась что-то высказать, но меня выручил Сашка.

Что же касается законной супруги, то... наши отношения неожиданно наладились. Возможно, она себе тоже что-то вообразила, но решила, что виновата сама, а не ваш покорный слуга, после чего искренне попросила прощения в очень приятной форме. В общем, мы объехали весь Петербург и его окрестности с визитами, устроили бал, на который я пригласил всех отличившихся офицеров, посетили театр, где нас вновь встретили бурными аплодисментами.

Ну и, простите за пикантную подробность, я ночевал дома. В общем, нельзя исключать, что месяцев через девять в семье случится пополнение.

Столь напряженная светская жизнь требовала кучу времени и ничуть не меньшего самоотречения, чем руководство флотом во время войны. Тем не менее дела понемногу шли. Спущены на воду и готовятся к вступлению в строй заложенные зимой корветы. Чтобы набрать для них команды, расформированы экипажи двух наиболее «неблагонадежных» (в смысле состояния корпуса) линкоров. Экипажи разбавили отличившимися на канонерках матросами и офицерами.

Корабли, получившие повреждения в боях, спешно ремонтировали. Несмотря на то что из Финского залива противника изгнали, война не кончилась. Нейпир с Парсеваль-Дешеном продолжали крейсировать у берегов Швеции, надежно перекрывая наши морские пути. Что в свою очередь оборачивалось убытками для экономики страны в целом и казны в частности. По-хорошему надо бы гнать их отсюда, но чем? Канонерские лодки хороши в прибрежных водах, но в открытом море им с линкорами не тягаться! Корветы пригодятся для ударов по вражеской торговле, что, как я надеюсь, сподвигнет правящие круги Великобритании в сторону мира. Но им тоже как-то нужно прорваться мимо вражеских эскадр...

В общем, как писал служащий сейчас в забытом богом Новопетровском укреплении Шевченко — *«Думи мої, думи мої. Лихо мені з вами!»* Да! Учил в школе *«...думи мої, думи мої. Лихо мені з вами!»*

В Кронштадте теперь бываю не слишком часто, но во время очередного такого визита случилось любопытное событие. Среди поднятого с флагманского

блокшипа покойного контр-адмирала Чадса «Эдинбург» вооружения обнаружилась нарезная пушка. Ну как «нарезная». Ланкастерская. Правда, нашли ее такую красивую в единственном числе. Остальные 68-фунтовки были вполне традиционно гладкоствольными. Поначалу на нее вообще не обратили внимание. Тем более что ствол оказался целиком забит илом.

Но тут в дело вмешался случай. Исправляющий должность командира «Балагура» Тыртов никак не мог смириться с тем, что его корабль остался безоружным. Но лишних пушек Баумгарта пока что не было. Те же, что производились на Олонецких заводах, сразу же после испытаний отправлялись на вооружение новых кораблей. Подав несколько бесплодных ходатайств и получив отказ, молодой мичман решил обратить свой взор на трофеи. Вот тогда все и выяснилось...

Для ознакомления с технической новинкой собрали целый консилиум, главными участниками которого были вице-директор артиллерийского департамента полковник Терентьев, полковник Баумгарт и спешно вызванный капитан Маиевский. К слову сказать, председательствовал генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. То есть мой младший брат Мишка.

Для начала находку тщательно измерили и составили чертежи, после чего решили отправить на полигон, с тем чтобы выяснить реальные характеристики технической новинки.

— Быть может, нам тоже следует производить такие орудия, не дожидаясь результатов испытаний? — предложил Михаил.

С одной стороны, предложение не такое уж и глупое. Если на корабле англичан есть такие пушки

(в этот момент мы еще не знали, что оно единственное и было прислано на «обкатку» и испытания)¹, стало быть, островитяне их уже производят. Учитывая мощь их промышленности, скоро их станет много. И если мы не поторопимся, ответить им будет нечего.

— Но мы ведь еще не знаем, каковы ее свойства? — нерешительно возразил августейшему начальнику Терентьев.

— Полагаю, британское адмиралтейство, прежде чем принимать ее на вооружение, провело все необходимые испытания и нашло их по меньшей мере достойными внимания!

— На самом деле, — пришлось вмешаться мне, — лайми поторопились и из всех возможных вариантов выбрали как бы ни самый худший.

— Ты хочешь сказать, что эта пушка никуда не годна? — удивился Мишка.

— Да не то чтобы. По сути, у нее только одно преимущество перед обычными гладкостенными орудиями. Дальность! Тут она будет крыть старые системы как бык овцу. Но вот точность ниже всякой критики. Попасть из нее можно только случайно или в очень большую цель. Скажем, вражеский город. Беда лишь в том, что они как раз и будут стрелять по нашим городам. Или крепостям.

— То есть им они подходят?

— За неимением лучшего — да! Но вообще путь, конечно, тупиковый...

— Откуда ты все это знаешь? — вопросительно посмотрел на меня брат.

¹ Первое орудие системы Ланкастера было привезено летом 1854 года на паруснофрегат «Валчер» и установлено на блокшип «Эдинбург». Применялось в осаде Бомарзунда.

— Э... это закрытая информация! — пришлось сделать загадочное лицо.

— Пусть так, — нахмурился Михаил. — Но что-то ведь делать нужно?

— Да делаем...

— Что?!

— Господа, — вздохнул я. — Будьте любезны обрисовать вкратце суть данных вам поручений и каковы достигнутые успехи.

Задания, в сущности, были просты. Еще зимой я рассказал им о том, что французы приступили к строительству броненосных батарей типа «Devastation» и с этим надо что-то делать. Впоследствии, правда, выяснилось, что первую из них заказали только в августе 1854 года, но в тот момент ни ваш покорный слуга, ни Баумгарт, ни Маиевский об этом даже не подозревали.

Надо сказать, что в артиллерии, тем более того периода, я особо не разбирался. То есть понятно, что будущее за нарезными и казнозарядными орудиями, но вот как их делать на имеющемся технологическом уровне? И что вообще этот уровень допускает? В общем, пришлось поломать голову, прежде чем в нее пришла очень простая мысль. Никто ведь не требует, чтобы великий князь лично отливал пушки или рассчитывал их баллистику! Для этого существуют специально обученные люди, которые, к слову сказать, со временем и так додумаются до этих решений. Мне же остается ставить им задачи, обеспечивать ресурсами, не давать увлекаться совсем уж тупиковыми идеями вроде тех же «ланкастеров», ну и, конечно же, требовать результат! Для первого моих куцых познаний, полученных из популярной литературы, хватит. Второе и третье для генерал-

адмирала вообще не проблема. Остается последнее, но думаю — справлюсь...

К счастью, команда у меня имелась. Оставалось вывалить на них разрозненную информацию, обрисовать перспективы, привлечь необходимые средства и... После мозгового штурма возможных решений было найдено два. Во-первых, делать еще более мощные гладкоствольные орудия, вроде тех, что лет через десять будут производить американцы. Хотел подсказать по поводу чугунных отливок с внутренним охлаждением. Оказалась, что способ Родмана уже как бы и существует, но пока только в формате опытов и экспериментов. И на наших заводах еще не применяется. Этим направлением занялся Баумгарт. Во-вторых, орудийной стали в ближайшей перспективе нам не видать. Как, впрочем, не сделать и обеспечивающий нормальную обтюрацию замок. Но при всем при этом дульнозарядные пушки тоже можно делать нарезными. Придется, правда, повозиться со снарядами, но вопрос решаемый. За них взялся Маиевский.

— На сегодняшний день отлито два опытных орудия калибром десять дюймов, — доложил генерал-фельдцейхмейстеру Баумгарт. — Сейчас они испытываются на полигоне. По предварительным прикидкам, железные плиты в четыре с половиной дюйма толщиной пробивать будут метров с пятисот. То есть с трех кабельтовых. До конца года успеем сделать еще штук восемь-десять. Не бог весть что, но если французские броненосные батареи окажутся не на Черном море, а у нас, то мимо такой батареи не пройдут... Кроме того, — продолжил доклад полковник, — есть мысль снабдить имеющиеся орудия шестидесяти- и шестидесятивосьмифунтового калибра стальными

коваными ядрами. Против них, если стрелять в упор, железная броня не устоит!

— Хорошо, — кивнул я. — Продолжай в том же духе... если, конечно, непосредственный начальник не возражает!

— Ни в коем случае, — помотал головой Мишка. — Более того, настаиваю на продолжении изысканий.

— Отлично! Что с нарезными?

Тут все обстояло не столь радужно. Будучи человеком рассудительным, Маиевский решил начать с небольшого полевого орудия и, в общем, добился определенного успеха. Нарезная бронзовая четырехфунтовка стреляла чугунными гранатами с двенадцатью цинковыми выступами. Поскольку снаряд имел продолговатую форму, масса его оказалась в два с половиной раза больше, чем у шарообразных гранат того же калибра, а содержание пороха — в три раза! Дальность увеличилась вдвое, а вот скорострельность уменьшилась, хоть и не критично. Но... зачем мне полевая пушка?

То есть пригодится, конечно, вон у братца как глаза заблестели. Но мне-то нужно с броненосцами воевать!

— Чугунные пробовали делать?

— Конечно, ваше императорское высочество. Не выдерживают увеличившегося давления внутри ствола.

— В общем, пока не получим в достаточном количестве орудийную сталь, ничего не выйдет? — резюмировал я.

— Сталь?! — изумился Мишка.

Удивление понятно. В принципе, хорошую сталь получить можно. В тигле. Слиток, как вы понимаете, будет невелик. Про то, что возможны мартеновский

и бессемеровские способы переделки чугуна в сталь, знаю только я. Причем, как ни печально, знание мое ограничивается названием.

— Стальные пушки делают в Пруссии...

— Что?..

— Э-э... приходилось читать, что тамошний промышленник Альфред Крупп изготовил стальную пушку и представил ее военному министерству.

— А они?

— Отнеслись как к техническому курьезу.

— Однако...

— Может, перекупить у них пушку?

— Не получится. Наш прусский дядюшка настроен на строгое соблюдение нейтралитета. Хотя...

— Что?

— Николай Владимирович, — повернулся я к притихшему Маиевскому: — А что если чугунный ствол пушки зажать стальными кольцами?

— Ну, на первый взгляд, идея неплохая. Сталь будет держать чугун, не давая ему растрескаться. Но где мы их возьмем? Стали-то нет!

— У Круппа и купим. Кольца же не пушки, не так ли?

— В таком деле нельзя зависеть от зарубежного поставщика, — задумчиво сказал Михаил, когда мы остались одни.

— Верно. Добавь еще, что всем этим следовало заниматься до начала войны.

— Кое-кто позаботился...

— Что... прости?

— По крайней мере, прояснилась цель твоей поездки в Германию. Поразительно, но иногда мне кажется, что ты все знал заранее... Но как это возможно?

— Ничего сверхъестественного, братишка. Просто немного логики.

— Как ты сказал? Братишка?

— Ну да, а что такого, мы ведь братья!

— Верно. Но раз так, почему ты не предупредил нас? Ведь все вместе мы могли бы сделать куда больше...

— А вы стали бы меня слушать? Нет, серьезно. Представь картину, наш дорогой Низи бросил свет и отправился в Америку закупать винтовки с револьверами. Ты в Европу, но не в Париж и не в Ниццу, а в Эссен. А Сашка...

— Ладно, — улыбнулся Михаил. — Я тебя понял. Но что-то ведь можно сделать и сейчас...

— Конечно, можно.

— Например?

— Ну вот скажи, кто из нас двоих заседает в Военном совете, распределяющем все ресурсы и вооружение?

— Я.

— Тогда тебе, вероятно, известно, куда отправили недавно прибывшую из Тулы партию штуцеров?

— Для вооружения гвардии.

— А я куда просил?

— В Севастополь...

— И?..

— Послушай, Кости. Мне кажется, что в данном случае князь Василий Андреевич абсолютно прав. Если союзники решатся высадить на Балтике десант, мы окажемся в весьма неловком положении...

— Дурак твой Долгоруков!

— Зачем ты так? Он человек вовсе не дурной и уж тем более не глупый...

— Миша, послушай меня! Хороший человек — это не профессия и уж тем более не показатель

компетентности! Нет у англичан с французами сил для еще одного экспедиционного корпуса! И возможности высадить десант — тоже нет! А если бы и появились, то это стало бы невероятной удачей. Поскольку здесь мы и без того сильны, и ничем хорошим для них эта авантюра не закончилась бы!

— Это только предположения...

— Ну вот, а кто только что говорил, что я знаю будущее, и просил у меня совета?

— Твоя правда, — смутился великий князь. — И что делать?

— Сейчас или вообще?

— И так, и так...

— Думать, Миша. Думать! И хотя бы иногда прислушиваться к советам брата.

В общем, пообщались довольно продуктивно. По крайней мере есть надежда, что приобщившийся к настоящему делу Мишка станет моим единомышленником. Что же касается доставшегося нам трофея, то решено отправить его на полигон и хорошенько изучить.

— А что с прошением Тыртова? — напомнил также присутствовавший на заседании Лисянский.

— Э... ах вот ты про что. Передай артиллерийскому отделу, чтобы на «Балагур» выделили первое же поступившее орудие, да и дело с концом! Все-таки там экипаж уже опытный, грех их без дела держать.

Был уже вечер. Если честно, очень хотелось отправиться к семье, но тогда на одну дорогу туда и назад уйдет чертова прорва времени. А его и так не хватает. В общем, я решил заночевать на месте, благо апартаменты имелись. Но прежде, чем мне удалось туда попасть, случилось еще кое-что.

Рядом с ожидавшим меня экипажем стояли несколько матросов и что-то жарко обсуждали. Надо

сказать, случилось такое впервые. Обычно нижние чины стараются держаться от начальства как можно дальше, справедливо полагая, что ничего хорошего от господ офицеров ожидать не приходится. Однако сейчас они о чем-то горячо просили моего вестового.

— Ваньша! — уговаривал рослый артиллерийский квартирмейстер с георгиевским крестом на форменке. — Ить ты мне крестник! Помоги!

— Да я ж рази против, дядька Семен! Только дело-то уж больно заковыристое, не знаю, как и взяться...

— Что у вас тут? — строго поинтересовался я.

— Здравия желаем вашему императорскому высочеству! — рявкнул первым пришедший в себя унтер.

— И тебе не хворать, служивый! Вольно! Теперь рассказывайте, какая у вас к моему вестовому надобность?

— Спасите Митьку, ваше высокое...

— Час от часу не легче. Какого Митьку, от чего спасти? Да не телитесь, а говорите по делу...

И тут мне поведали весьма любопытную историю. Матрос первой статьи Дмитрий Воробьев служил вместе с квартирмейстером Ермаковым на канонерской лодке «Балагур». И даже отличился во время памятного боя со шлюпами противника. Он тогда первым добрался до французского парового бота, за что и был представлен к кресту. Но потом случилось странное. Большинство французских моряков погибло, но одному «гард де ла марину»¹ удалось выжить. И как только он пришел в себя, рассказал, что видел русского матроса, занимавшегося мародерством.

¹ Garde de la marine (*фр.*) — гардемарин во французском военном флоте, подросток из благородных, обучающийся на офицера. Особые привилегии имели gardes du pavillon (гард дю павийон) — знаменные гардемарины.

В другое время никто не обратил бы на эти слова никакого внимания, но так уж случилось, что при этом присутствовал командир «Балагура» князь Вадбольский, также раненный во время сражения.

В общем, началось расследование, во время которого выяснилось, что единственным подозреваемым может быть только Воробьев. Больше того, в его вещах нашлись французские монеты и несколько табакерок. Объяснить, откуда все это взялось, он не сумел, потому угодил под стражу.

— Хреново! — констатировал я, выслушав рассказ. — А что Тыртов?

— Его благородие господин мичман поначалу заступался, а потом как вещицы нашлись, сильно осерчал.

— Понятно. Где сейчас ваш «злоумышленник»?

— Да какой он злоумышленник, ваше императорское высочество! Просто дурак...

— Я спросил, где?!

— Так что на гауптвахте!

— Поехали.

То, что матрос виноват, я несколько не сомневался. Беда лишь в том, что система наказаний сейчас очень простая. И за этот не самый красивый, согласен, проступок его скорее всего до смерти заперют. А это, как по мне, перебор...

Великий князь Константин числился на службе уже почти двадцать семь лет, но за все это время ни разу не появился на гауптвахте для нижних чинов. Так что мой приезд произвел изрядный переполох.

— Вольно! — велел я выслужившемуся из простых матросов дежурному офицеру. — Распорядись доставить сюда арестованного Воробьева. А мне дай его дело...

— Слушаюсь!

Коротко пролистав документы, я пристально посмотрел на вытянувшегося передо мной матроса. Тот, кажется, даже не дышал...

— Грабил покойников?

— Ваше императорское... как на духу... Виноват!

— То-то что виноват. А этого, как его черта, Жана Лавальена?

— Французика-то? Никак нет! Только револьвер отнял и по башке дал!

— А за что?

— Так это... чего он им в меня тыкал? Ежели сдаешься, так подними руки, и вся недолга! А он за пистоль схватился, да еще и ругался непонятно! Ну я и того...

— Револьвер куда дел?

— Так это... господину гардемарину Тыртову отдал, то есть уже мичману. Мне-то он без надобности, а ему очень даже пригодится! Охфицерская вещица, фасонная!

— Понятно. Что ж мне теперь с тобой делать?

— Спасите, ваше императорское высочество! — рухнул на колени матрос. — Богом клянусь, отслужу! Жизнь за вас отдам! А если...

— Что если?

— Если нельзя помиловать, прикажите, чтоб меня расстреляли, а не забили будто пса шелудивого... — обреченно выдал из себя матрос.

— Свинец еще на тебя тратить, — жестко усмехнулся я. — Нет, брат. От меня так просто не отделаешься... До канонеров где служил?

— На «Сысое Великом».

— Кто командир?

— Их высокоблагородие господин капитан первого ранга Кишкин Александр Михайлович.

— Канониром?

— Так точно! Третий номер орудийного расчета!

— Значит, должен был и в абордажной команде числиться...¹

— В первом абордажном взводе первой партии состоял, — оживился почувявший, что ветер переменился, матрос.

Уже интереснее. Туда отбирали самых ловких, идущих в первых рядах. Вооружали их двумя пистолетами, интрепелями², тесаками или палашами. Именно они должны были наносить главный, решительный удар. Вторая партия с полупиками добивала уцелевших и брала захваченный корабль под свой контроль.

— Я и стрелять умею. С десяти шагов пулю в туза кладу...

— Да ладно!

— Вот те крест! — выпалил Воробьев, но, наткнувшись на мой удивленный взгляд, снова бухнулся на колени. — Ей-богу не вру, ваше императорское высочество!

— На службе научился?

— Еще до рекрутчины. Отец покойник при нашем барине егерем состоял, а я сызмальства при нем. От того и с оружием обращаться привычен, и стреляю метко...

— Ладно. Будет случай, проверим, а теперь соберайся.

¹ После упразднения в 1833 году морских полков задачи ближнего боя в Русском Императорском флоте были переложены на матросов абордажных команд, которые комплектовались в основном из номеров расчетов артиллерийских орудий.

² Интрепель — абордажный топор с обухом в форме четырехгранного загнутого заостренного зуба.

— Так это, нищему собраться только подпоясаться! Весь я здесь...

— Хорошо. Да поднимись уже, а то все колени протрешь! — поморщился я и, дождавшись, когда арестант выполнит мой приказ, негромко окликнул охрану: — Дежурный!

— Слушаю! — немедля, словно только того и ждал под дверью, ворвался к нам прапорщик.

— Воробьева я забираю!

— Как прикажете.

— Все документы на него тоже...

— Сей секунд! Вот извольте видеть... дело, постановление на арест...

— А где крест?

— Какой?

— Георгиевский!

— Не могу знать!

— Значит так. Передай старшему вашей богадельни, чтобы награду его завтра доставили ко мне. Не то без своих останетесь!

— Слушаюсь!

Глава 2

Со стороны могло показаться, что я спас матроса исключительно из соображений гуманности. В какой-то мере так оно и было. Великий князь Константин и раньше выступал противником телесных наказаний, а мне они и вовсе казались отвратительными. Но дело не только в этом. Как говорил Кузьма Прутков, каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте. А вот какую пользу может принести Воробьев — стало понятно сразу.